

УДК 304.2+316.4+316.7

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОСТИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

И. Н. КОЛЯДКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В условиях кризиса базисных оснований культуры модерна и под воздействием противоречий, возникающих на современном этапе глобализации, рассматриваются ключевые параметры и особенности трансформации основных форм индивидуальной и коллективной идентичности. Выявляются важнейшие модификации идентификационных паттернов, формирующихся в культуре постсовременности и оказывающих заметное влияние на процессы социокультурных трансформаций. Обосновывается положение о конститутивной роли культурной традиции в единстве ее нормативно-стабилизирующих и инновационно-эвристических компонентов в процессах выстраивания идентификационных стратегий в переходных социумах.

Ключевые слова: идентичность; постидеологическая реальность; культурная традиция; фрагментация идентичности; кризис культуры.

Благодарность. Работа подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках выполнения научного проекта «Перспективы и вызовы этнокультурной идентичности в условиях регионализации и глобальной интеграции» (грант № Г19М-100).

TRANSFORMATION OF IDENTITY AND CONTRADICTIONS OF POSTIDEOLOGICAL REALITY

I. N. KOLYADKO^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the key parameters and characteristics of the transformation of the main forms of individual and collective identity in a crisis of the basic foundations of modern culture and under the influence of the contradictions of the modern stage of globalization. The most important modifications of the identification patterns emerging in the culture of postmodernity are revealed that have a significant impact on the processes of sociocultural transformations. The article substantiates the position on the constitutive role of cultural tradition in the unity of its normatively stabilizing and innovative heuristic components in the processes of building identification strategies in transitional societies.

Keywords: identity; post-ideological reality; cultural tradition; fragmentation of identity; crisis of culture.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Belarusian Republic Foundation for Fundamental Research in the framework of the scientific project «Prospects and challenges of ethnocultural identity in the context of regionalization and global integration» (grant No. Г19М-100).

Образец цитирования:

Колядко И.Н. Трансформация идентичности и противоречия постидеологической реальности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;1:44–51.

For citation:

Kolyadko I.N. Transformation of identity and contradictions of postideological reality. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;1:44–51. Russian.

Автор:

Илья Николаевич Колядко – кандидат философских наук; преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Ilya N. Kolyadko, PhD (philosophy); lecturer at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kaliadka@bsu.by

Введение

В социальной философии последних двух десятилетий интерес к проблеме идентичности (во всех ее многообразных измерениях) обусловлен характерными для современных обществ процессами деформации традиционных форм социализации индивидов, стремительным развитием средств массовой коммуникации и экспоненциальным ростом потоков информации. Данные явления часто становятся одним из факторов разрушения границ локальных, замкнутых социокультурных миров. Таким образом, изменяются формы репрезентации идентификационных матриц и их фрагментации. *Кризис идентичности* яв-

ляется одним из индикаторов трансформации постсовременных обществ, преобладающим трендом социальной динамики которых выступает глобализация, непосредственно затрагивающая все возможные виды идентичностей и основания идентификации. В связи с этим в условиях формирования нового типа общества – информационного, ориентированного на выстраивание многомерной идентичности, ультраиндивидуализм и реализацию стратегии построения постидеологической реальности, – актуальной представляется проблема трансформации традиционных форм идентификации людей.

Материалы и методы исследования

Значимые перемены, которые произошли в течение последних десятилетий, связаны прежде всего с интенсивным распространением информационных, сетевых и коммуникационных технологий. Именно их развитие и превращение деятельности по созданию, трансляции и потреблению информации в «осевой принцип культуры» (Д. Белл) стало объективной основой для углубления процессов технологической трансформации большинства сфер современного социума – от внедрения инновационных средств коммуникации и разработки проектов цифровой экономики до интеграции онлайн-технологий и систем дистанционного обучения в сфе-

ру образования. Вместе с тем качественные изменения культуры и связанные с ними трансформации идентичности человека актуализируют критический потенциал философии, который выражается в рефлексии над основаниями культуры [1, с. 208–209] в целях поиска конструктивных стратегий развития общества и человека, оказавшихся перед угрозой деидентификации и утраты устойчивых мировоззренческих ориентиров.

В связи с этим важно определить ключевые параметры трансформации идентичности, а также выявить новые формы ее репрезентации на современном этапе развития информационного общества.

Результаты и их обсуждение

Проблема идентичности, впервые выдвинутая в философии, с самого начала рассматривалась сквозь призму психологической и социальной проекций человеческой жизни, а также взаимосвязи индивидуального и коллективного измерений бытия. Было выявлено, что развитие индивидуальной идентичности непосредственно сопряжено с установлением тесных отношений с различными групповыми идентичностями, а ее психологическая составляющая формируется в процессе освоения и интериоризации ценностей социального и культурного окружения¹. Вместе с тем «современное междисциплинарное понимание идентичности, в свою очередь, позволяет выделять в ней индивидуальное и социальное измерения, когнитивный, рефлексивно-оценочный, эмоционально-чувственный и коммуникативный аспекты, а также рассматривать идентичность как подвижную, изменяющуюся во времени структуру взаимных отношений человека с другими людьми, всегда погруженную в определенный и также изменчивый социокультурный контекст»². Таким образом, в самом общем смысле

под *идентичностью* следует понимать соотнесенность (тождественность) индивида с определенной социальной группой, образом жизни, ценностями, формирующими критерии нормативности и являющимися референтными [2, с. 78]. Идентичность человека и общества динамична, подвержена изменениям, что обусловлено процессами трансформации фундаментальных оснований социума (политико-институциональных, социально-экономических, духовных). Устойчивые наиболее консервативные элементы индивидуальной и коллективной форм идентичности закрепляются *культурной традицией* и инвариантно воспроизводятся в форме социокодов в процессе трансляции значимого социокультурного опыта, конституируя, таким образом, ценностно-нормативную и мировоззренческую целостность культуры.

Следует подчеркнуть, что «традицию можно рассматривать как интегральную характеристику культурной динамики, обладающую особыми содержательными параметрами, а также специфическим способом передачи культурного наследия. Природа

¹Ленсмент А. Феномен этнокультурной идентичности в эпоху постсовременности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Минск, 2017. С. 37.

²Там же. С. 52.

традиции заключается в диалогичности временных отношений» [3, с. 118]. Важным представляется понимание культурной традиции как «способа самоидентификации общества» при помощи «аккумуляции, трансляции и трансмутации социального опыта»³. Как поясняет М. Г. Завьялов, «осознание традиции как меры идентичности позволяет обществу выверить свое нынешнее социокультурное состояние и перспективы дальнейшего развития посредством органичного сочетания в культуре (как в аспекте творчества, так и преемственности) своего и чужого, старого и нового, сакрального и профанного»⁴. Являясь неотъемлемым компонентом духовной жизни общества и выступая в качестве механизма трансляции важнейших ценностных ориентаций и установок деятельности, оказывающих определяющее влияние на структурирование идентификационных матриц личности и общества, культурная традиция существенно воздействует на свойства социального порядка. Под давлением противоречивых процессов глобализации, приобретающих дивергентный характер, а также в условиях становления новых форм социальности и культуры, связанных с цифровой трансформацией и возрастанием влияния современных информационно-коммуникативных технологий, целостность традиционных форм идентичности и репрезентирующих их культурных традиций подвергается существенным деформациям.

Следует зафиксировать, с одной стороны, тенденцию нарастающей диффузии идентичности, ее незавершенности в виде затянувшихся поисков себя, невозможности самоопределения, а с другой – вариативности процессов трансформации дискурса идентичности, проявляющихся в формах фанатизма, экстремизма и фундаментализма. Оказываются лишенными алармизма достаточно обоснованные суждения о том, что «современная цивилизация находится на критическом этапе своего развития», вызванном интенсивными изменениями в сфере техники и технологий, характере научно-технического прогресса, способствующих радикальному обновлению предметной среды, в которой непосредственно протекает жизнедеятельность человека [1, с. 78]. В условиях становления постсовременного (информационного) общественного уклада человек все чаще оказывается в ситуации «аксиологического ризомоморфизма»⁵, обусловленного ускорением социокультурных и технологических изменений, приводящих к зыбкости жизненных ориентиров. Ввиду этого В. А. Емелин отмечает, что «среди основ-

ных причин трудностей самоидентификации можно выделить причины мировоззренческого плана, имплицитированные культурой постмодерна в связи с доминированием принципа релятивизма, автоматически ставящего под сомнение саму возможность сохранения определенных, устойчивых и разделяемых в обществе ценностей, и причины технологического характера»⁶. В ситуации реинтерпретации базовых и формировании новых мировоззренческих универсалий, определяющих категориальный строй сознания, актуальной становится проблема поиска и обоснования конструктивных стратегий развития общества и культуры на фоне трансформации традиционных идентификационных матриц и генезиса новых мировоззренческих и ценностных ориентаций.

В структурах самой идентичности происходят значимые изменения, вызванные критическим состоянием культуры и человека в условиях деформации традиционных систем социокультурной регуляции [4–6]. Речь в данном случае идет о феномене спутанной идентичности «в виртуальной культуре информационного постиндустриализма», которая, в свою очередь, «все более приобретает черты эклектической, мозаичной идентичности, что более соответствует культуре постмодерна и облегчает человеку обретение собственной идентичности, жизненных стратегий и смыслов» [7, с. 31]. В своей концепции социодинамики культуры А. Моль трактует данный процесс более широко – как вытеснение под влиянием средств массовой коммуникации традиционной гуманитарной культуры прошлого современной мозаичной культурой [8, с. 44–47]. Одно из важных отличий классической гуманитарной культуры от современной мозаичной состоит в том, что первая представляет собой результат рационально организованного процесса познания, в результате которого формируется «экран знаний», осуществляющий способы восприятия и задающий структуру мышления и деятельности, в то время как вторая вырабатывается «статистическим путем» под воздействием перманентного неупорядоченного потока информации, транслируемого средствами массовой информации и коммуникации [8, с. 38–42]. «“Экран культуры”, – отмечает А. Моль, – сегодня уже не выглядит как упорядоченная сеть первостепенных и второстепенных признаков, похожая на паутину или ткань. Обрывки мыслей группируются по прихоти повседневной жизни, захлестывающей нас потоками информации, из которых мы фактически наугад выбираем отдельные сообщения. “Экран знаний”

³Завьялов М. Г. Традиция как способ самоидентификации общества : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Екатеринбург, 1997. С. 9–10.

⁴Там же. С. 18.

⁵Шакирова Е. Ю. Аксиологический ризомоморфизм современного социокультурного пространства : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. Уфа, 2015. С. 25.

⁶Емелин В. А. Философско-методологический анализ трансформации идентичности человека в условиях развития технологий информационного общества : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.08. М., 2017. С. 3.

можно теперь скорее уподобить войлоку (смесь частиц знаний, обрывков смысла)» [8, с. 47].

Переход от гуманитарного типа культуры к мозаичному, сопровождающийся кардинальными изменениями в структуре мышления – трансформацией его когнитивных и ценностных компонентов, – выступает предпосылкой генезиса ориентированных на ультраиндивидуализм и просьюмеризм моделей идентификации, предполагающих конструирование микроидентичностей и соответствующих им стратегий жизнедеятельности. Под воздействием современных информационно-коммуникационных технологий идентичность, способствуя социальной конфронтации, все в большей степени фрагментируется. Тем самым формируются предпосылки для генезиса кризисных явлений в системе. Как отмечает в связи с этим М. С. Гусельцова, «цифровая среда способствует не только субъективизации, но и просьюмеризму... самотворчеству идентичности, жизненного мира, цифровой среды; в движении от потребления к производству субъекты создают контент сетевой реальности. Будучи творцом и актором в сети, субъект переносит эту стилистику в повседневность. Просьюмеризм усиливает внутренние локусы контроля в диапазоне от конструирования идентичности до благоустройства жизненного мира и цифровой среды под интересы и потребности» [9, с. 39–40].

С изменением типа культуры и, соответственно, способов мышления, восприятия и практической деятельности человека существенно трансформируются и модели идентификации в направлении их фрагментации, мозаичности. Так, «З. Бауман... выделяет в качестве ключевой характеристики современности ее текучесть и связывает ее с рефлексивностью идентичности. В условиях нестабильности и эфемерности окружающей действительности индивид вынужден постоянно воссоздавать свое “Я”, чтобы приспособиться к ней, причем это и вынужденная мера, и постоянное трансформирование идентичности требует больших затрат сил, времени и денег. У. Бек... развивает идеи связи между рефлексивной индивидуализацией и процессом глобализации, рефлексивности и индивидуализации, подчеркивая тенденцию индивидуализации в современном обществе, которая определяется как результат влияния глобализации и рисков» [10, с. 22–23].

В настоящее время есть все основания утверждать, что под определяющим влиянием технико-технологического прогресса существенно изменяются традиционные модели идентификации, возрастает угроза как деидентификации, так и плюрализации идентификационных стратегий. Появляется виртуальная, или сетевая, идентичность, формируется основанная на постмодернистских

принципах децентрации и ризомы *многомерная, полиструктурная модель идентификации*, происходит объективное усложнение обретения идентичности в условиях ценностно-нормативного плюрализма и мозаичных стратегий социализации. Под воздействием цифровой трансформации общества, сопровождаемой интеграцией социокультурных систем и культурных традиций, все более остро встает вопрос об их статусе в развитии современного глобализирующегося мира. Цифровизация, с одной стороны, выступает интегрирующим началом, с другой – вызывает еще больший раскол в обществе и порождает новые формы неравенства и конфронтации. Важно понимать, что «развитие информационного общества сопровождается углублением тенденции к его атомизации, что согласуется с постмодернистской парадигмой, отражающей современное состояние радикальной плюральности, эклектичности западной культуры. <...> В этой связи... правильнее говорить... об атомизации общества, которая в условиях информатизации приобретает транссоциальный характер, т. е. пронизывает все его структуры и сферы реализации» [11, с. 53].

Фрагментация идентичности и социальная дезинтеграция обнаруживаются в провозглашении «условности и произвольности социальных установлений, отрицании социальной сущности человека как таковой, а также в теоретическом обосновании исключительно механической, случайной взаимосвязи между культурой как сферой надиндивидуальных ценностей, социальностью и властью как средством установления социальной иерархии»⁷. Цифровая трансформация, присущая процессам формирования информационного общества, вызывает кризис идентификационных матриц и паттернов. Технично-технологическая экспансия воплощается прежде всего в теоретическом постулировании субъективизма, релятивизма и номинализма, что в практическом отношении часто выражается в использовании манипуляционных практик для осуществления целенаправленного воздействия как на индивидуальное, так и на общественное сознание, являясь, таким образом, необходимым условием и предпосылкой возникновения авторитаризма и тоталитаризма в его современных модификациях.

На современном этапе социокультурного развития трансформация индивидуальной и коллективной форм идентичности определяется конституирующими социальную реальность постсовременности факторами, ключевыми из которых выступают:

- противоречия социальных идентичностей, вытекающие из интенции на активное политическое и гражданское участие индивидов в формах сетевого

⁷Голубев С. В. Основания государственности: социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. Минск, 2005. С. 58.

распределения власти и информационно-коммуникативных стратегиях коммуникации;

- демократизация общественной жизни, влекущая возрастание ценности автономии личности и увеличение рефлексивного измерения процессов идентификации;

- трансформация ключевых институтов культуры и изменение форм социальной идентификации людей, вызванные направленной реорганизацией ценностно-нормативных оснований социального порядка;

- возрастание социокультурных рисков и кризисных явлений во многих сферах социальной жизни⁸.

В целом современный этап социокультурного развития характеризуется трансформацией идентичности и ее проекций «к социально конструируемым, знаково-символическим измерениям идентичности, находящимся под влиянием господствующих форм социальной коммуникации, социально-психологических стереотипов поведения и деятельности»⁹.

Трансформация идентичности и ее фрагментация обусловлены также *кризисом базисных оснований культуры модерна*. Одним из ключевых параметров при этом является кризис рациональности как важнейший индикатор структурных изменений европейского социума. Рациональность, понимаемая в качестве деятельности в рамках принятой системы когнитивных и ценностных предпосылок, выступает основополагающей культурной ценностью модерна. Сформировавшаяся в эпоху Нового времени ценностно-нормативная система, задающая ключевые параметры базисных оснований культуры модерна, включает в себя следующие принципы: проективно-конструктивное отношение к миру (опредмечивание сущего); понимание природы, общества и человека как механических систем; признание за научным разумом высшей когнитивной ценности и т. д. Под влиянием глобализации и развития современных информационно-коммуникационных технологий претерпел существенные изменения конститутивный для культуры модерна тип рациональности, санкционирующий освоение и подчинение человеком окружающей его природной и социальной среды и, соответственно, понимаемый как способ человеческого освобождения. Трансформация ключевых параметров культуры модерна, конституирующих проект Просвещения, вызвана, в свою очередь, противоречиями современного этапа глобализации и деформацией актуального типа рациональности, фундирующего модерный нарратив. В связи с этим сегодня речь идет

о формировании культуры постсовременности, одной из характерных особенностей которой выступает «текущность и случайность идентичности»¹⁰, а «господство информационных технологий и средств массовых коммуникаций в эпоху постмодерна приводит к столь ускоренному вращению информации и создаваемых образов, что в социокультурном пространстве проявляет себя феномен “детерриториализация культуры” и построение форм социальной идентичности, строго не связанных с местом»¹¹.

В эпоху постсовременности идентичность человека становится неустойчивой и фрагментарной, *ситуативной*: вместо строго детерминированных и социально обусловленных идентификационных матриц человек вынужден конструировать свою идентичность в зависимости от того положения, которое он занимает в социуме как субъект общественных отношений. Человек эпохи постсовременности постоянно находится под воздействием перманентно циркулирующих информационных потоков, справиться с которыми ему сложно ввиду отсутствия сформированных «гуманитарной культурой» (А. Моль) надындивидуальных, *объективных критериев* дифференциации правды и лжи, реального и воображаемого, подлинного и симуляционного. Затрагивая глубинные пласты идентификации, *современный цивилизационный кризис*, выражающийся в деформации базисных оснований культуры модерна, способствует формированию постидеологической реальности, для которой характерно неприятие традиционных форм индивидуальной и коллективной идентичности в качестве единственно приемлемых и легитимных. Важной составляющей постидеологической реальности выступают средства массовой информации, конструирующие своего рода *гиперреальность* (искусственно созданный мир симуляционных процессов), структурирование которой осуществляется во многом благодаря использованию репрессивной функциональной модальности, присущей символическим системам (прежде всего языку) для легитимации конвенциональных социальных мифологем и конструктов. Таким образом, «индивид вынужден воспринимать симулякры-образы, имитирующие копии, заменять реальные социальные действия виртуальными аналогами или *ошибочно* воспринимать их в качестве *истины*, не осознавая это. Идентификация самого человека начинает растворяться в потоке преподносимых средствами массовой информации символов и кодов»¹². Так в культуре постсовременности

⁸Ленсмент А. Феномен этнокультурной идентичности в эпоху постсовременности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Минск, 2017. С. 74–82.

⁹Там же. С. 87.

¹⁰Чистяков Д. И. Анализ подходов к социологической интерпретации функционирования массмедиа в обществе : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.01. М., 2014. С. 30.

¹¹Там же. С. 31.

¹²Там же. С. 73–74.

происходит трансформация универсалистских идеологий (метанарративов), претендующих на выражение глобальных, родовых интересов человечества

в локальные, фрагментарные, приводящие к росту значимости символически конструируемых социальных идентичностей.

Заключение

Трансформация традиционных идентификационных паттернов обусловлена прежде всего кризисом базисных оснований культуры модерна под воздействием глобализации в аспекте усиления ее дивергентных трендов. Одной из критических, переходных фаз социодинамики цивилизаций, ориентированных на углубление индивидуализации идентичности является постсовременность. Если индивидуализация идентичности в культуре модерна на общественном уровне характеризовалась в качестве социального полимеризма и атомизма, то в культуре постсовременности процессы идентификации приобретают форму социального молекуляризма. Как отмечает П. К. Гречко, «социальный молекуляризм, с одной стороны, поддерживает и возвышает индивидуальность человека, автономию его воли, а с другой – сохраняет и укрепляет социальность, но не в виде объективно-исторической системы или дисциплины традиции, а как жизненный мир человека, включающий в себя Другого (других людей)» [12, с. 178].

Под непосредственным воздействием современных информационно-коммуникационных технологий усиливаются процессы социальной дезинтеграции, что порождает фрагментирование («кластеризацию») социальной структуры, поскольку на первый план выходит конструирование идентичности на основании индивидуального выбора. В результате для большинства современных обществ характерным становится ослабление общественных связей, снижение устойчивости функционирования основных сфер социальной системы, структурная дезинтеграция и возрастание роли символически конструируемых форм индивидуальной и коллективной идентичности, часто преследующих цели манипулятивного воздействия на субъектов социальных отношений.

Делегитимация традиционных форм индивидуальной и коллективной идентичности связана с деформацией ценностно-нормативных компонентов культурной традиции, которая, в свою очередь, выступает источником социального порядка и стабильности. По этой причине трансформация базисных оснований культурной традиции часто сопровождается существенным возрастанием манипулятивных практик и репрессивных социальных технологий. Опирающаяся на определенную культурную традицию стратегия идентификации, ее инвариантные структуры и стереотипно воспроизводящиеся эталоны все чаще постигаются как одна из форм насилия над человеком, манифестация «символической власти», понимаемой в качестве «власти произ-

водить и навязывать категории восприятия социального мира», т. е. поддерживать «легитимное видение мира» [13, с. 20–23]. Именно благодаря функционированию культурной традиции стало возможным воспроизводить «легитимное видение мира», конструирующее приемлемые формы индивидуальной и коллективной идентичности. Символическая власть постсовременной культуры, перманентно модернизирующейся и трансформирующейся, осуществляется, как показал П. Бурдьё, прежде всего через *школу и другие институты социализации* – университет, сферу досуга, рекламу, телевидение, СМИ в целом – посредством «навязывания категорий мышления, которые мы спонтанно применяем ко всему, что есть в мире» [13, с. 220]. Стратегии идентификации, воспроизводящиеся путем социализации, существенно отдаляются от примордиальных, родовых своих измерений и с помощью идеологических инструментов символической власти приобретают в культуре постсовременности характер искусственно конструируемых, репрезентирующих личностно значимые ценностные ориентации и мировоззренческие смыслы.

Неслучайно в условиях фрагментации культурных традиций феномен идентификации приобретает наибольшую значимость в транзитивную эпоху постсовременности, одним из ключевых параметров которой выступает ее постидеологический характер. Вместе с тем как в сфере идеологии, так и в сфере идентичности для постсовременных обществ характерным является «навязывание внеидеологического социального стандарта», что в конечном счете приводит к такой ситуации, когда «все, что выходит за пределы нормы, определяется как проявление фундаментализма, фанатизма и т. п.» [14, с. 19]. Несмотря на постидеологический стандарт постсовременности, идеология сегодня «обладает чертами неявного системного насилия: невидима, воспринимается как система очевидностей, анонимна» [14, с. 19]. В этом отношении следует зафиксировать расцвет идеологий «цвета кожи» (Д. Белл), которые ориентированы на все большую индивидуализацию и фрагментацию традиционных моделей социализации и идентификации. Очевидно, противоречия культуры постсовременности выступают благоприятной почвой для формирования как конструктивных, так и деструктивных социальных практик, оказываясь мощным катализатором цивилизационного кризиса и источником нестабильности переходных социумов.

Следовательно, крайне важным представляется обоснование современной версии модели устой-

чивого развития транзитивных обществ, конститутивным базисом которой должно выступать взаимное признание самобытности локальных культурных традиций и этнокультурного разнообразия. Решение этих проблем в перспективе позволит выстраивать конструктивные модели репрезентации культурно-цивилизационных идентичностей модернизирующихся и переходных социумов с целью преодолеть системный кризис культуры модерна.

Библиографические ссылки

1. Степин ВС. *Цивилизация и культура*. Запесоцкий АС, редактор. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2011. 408 с. (Классика гуманитарной мысли).
2. Малахов ВС. Идентичность. В: Степин ВС, Гусейнов АА, Семигин ГЮ, Огурцов АП, редакторы. *Новая философская энциклопедия. Том 2*. Москва: Мысль; 2010. с. 78–79.
3. Анохина ВВ. *Культурная традиция в парадигмах современной философии*. Минск: Белорусский государственный университет; 2014. 235 с.
4. Бауман З. *Индивидуализированное общество*. Иноземцев ВЛ, редактор, переводчик. Москва: Логос; 2005. 390 с.
5. Лазаревич АА. *Становление информационного общества: коммуникативно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания*. Леваш ИЯ, редактор. Минск: Беларуская навука; 2015. 537 с.
6. Лейнг Р. «Я» и Другие. Загородная Е, переводчик. Москва: Класс; 2002. 192 с.
7. Римская ОН. Кризис личностной идентичности в постсовременной культуре. *Наука. Искусство. Культура*. 2014;3:25–33.
8. Моль А. *Социодинамика культуры*. Бирюков БВ, Зарипов РХ, Плотников СН, редакторы, переводчики. Москва: Издательство ЛКИ; 2008. 416 с.
9. Гусельцова М. С. Трансформация идентичности в информационной культуре. В: Марцинковская ТД, Орестова ВП, Гавриченко ОВ, редакторы. *Цифровое общество в культурно-исторической парадигме*. Москва: МПГУ; 2019. с. 36–43.
10. Мамедов АК, Якушина ОИ. Поиск идентичности в современных реалиях: дискретность, посттрадиционализм и индивидуализм. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2015;15(14):20–30.
11. Скорик ГВ. Человек в информационном обществе: проблема идентификации (поиска идентичности). *Вестник Томского государственного университета. Социологические науки*. 2007;302:53–56.
12. Голубев СВ. *Основания государственности: философский анализ*. Минск: Издательский центр БГУ; 2005. 182 с.
13. Гречко ПК. Идентичность – постмодернистская перспектива. В: Резник ЮМ, Тлостанова МВ, редакторы. *Вопросы социальной теории. Том 4. Человек в поисках идентичности*. Москва: Междисциплинарное общество социальной теории; 2010. с. 171–190.
14. Бурдые П. *Социология социального пространства*. Шматко НА, переводчик. Санкт-Петербург: Алетея; 2007. 288 с. Совместное издание с Институтом экспериментальной социологии.
15. Сидоренко ИН. Диалектика разрыва и проблема системного насилия в постмарксизме. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;3:16–21.

References

1. Stepin VS. *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and culture]. Zapesotskiy AS, editor. Saint Petersburg: Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions; 2011. 408 p. (Klassika gumanitarnoi mysli). Russian.
2. Malakhov VS. [Identity]. In: Stepin VS, Guseinov AA, Semigin GYu, Ogurtsov AP, editors. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. Tom 2* [New Philosophical Encyclopedia. Volume 2]. Moscow: Mysl'; 2010. p. 78–79. Russian.
3. Anohina VV. *Kul'turnaya traditsiya v paradigmakh sovremennoi filosofii* [Cultural tradition in the paradigms of modern philosophy]. Minsk: Belarusian State University; 2014. 235 p. Russian.
4. Bauman Z. *The individualized society*. Hoboken: Wiley; 2001. 272 p.
Russian edition: Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo*. Inozemtsev VL, editor, translator. Moscow: Logos; 2005. 390 p.
5. Lazarevich AA. *Stanovlenie informatsionnogo obshchestva: kommunikativno-epistemologicheskie i kul'turno-tsivilizatsionnye osnovaniya* [Formation of the information society: communicative-epistemological and cultural-civilizational foundations]. Levyash IYa, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. 537 p. Russian.
6. Laing R. *Self and Others*. London: Penguin Books; 1991. 192 p.
Russian edition: Laing R. «Ya» i Drugie. Zagorodnaya E, translator. Moscow: Klass; 2002. 192 p.
7. Rimskaya ON. Crisis of personal identity in the post-modern culture. *Science. Art. Culture*. 2014;3:25–33. Russian.
8. Moles A. *Sociodynamique de la culture*. Paris: Mouton; 1967. 343 c.
Russian edition: Moles A. *Sotsiodinamika kul'tury*. Biryukov BV, Zaripov RK, Plotnikov SN, editors, translators. Moscow: Izdatel'stvo LKI; 2008. 416 p.
9. Guseltseva MS. [Homo digital: transformation of identity in information culture]. In: Martsinkovskaya TD, Orestova VP, Gavrichenko OV, editors. *Tsifrovoe obshchestvo v kul'turno-istoricheskoi paradigmat* [Digital society in the cultural-historical paradigm]. Moscow: Moscow Pedagogical State University; 2019. p. 36–43. Russian.
10. Mamedov AK, Yakushina OI. In search for identity in the contemporary society: discontinuity, posttraditionalism, and individualism. *Bulletin of Peoples Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2015;15(14):20–30. Russian.
11. Skorik GV. [Man in the information society: the problem of identification (identity search)]. *Tomsk State University Journal. Sociological Sciences*. 2007;302:53–56. Russian.

12. Golubev SV. *Osnovaniya gosudarstvennosti: filosofskii analiz* [Foundations of statehood: a socio-philosophical analysis]. Minsk: Publishing house of Belarusian State University; 2005. 182 p.
13. Grechko PK. [Identity – a postmodern perspective]. In: Reznik YM, Tlostanova MV, editors. *Voprosy sotsial'noi teorii. Tom 4. Chelovek v poiskakh identichnosti* [Questions of social theory. Volume 4. Man in search of identity]. Moscow: Mezhdistsiplinarnoe obshchestvo sotsial'noi teorii; 2010. 171–190. Russian.
14. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Shmatko NA, translator. Saint Petersburg: Aleteiya; 2007. p. 288. Co-published by the Institut eksperimental'noi sotsiologii. Russian.
15. Sidorenko IN. Dialectics of the gap and the problem of systemic violence in post-marksizm. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;3:16–21. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.09.2020.
Received by editorial board 04.09.2020.